

Л.В. Дьякова¹
L.V. Diyakova

Общественно-политическая мысль о модели демократического транзита и особенностях поставторитарного развития Чили

Socio-political thought about the model of democratic transition and the features of post-authoritarian development of Chile

---

Аннотация: В статье рассматриваются основные подходы к особенностям и специфике политического развития Чили в поставторитарный период, анализируются различные направления общественно-политической мысли в контексте актуальных проблем страны. Автор выделяет наиболее дискуссионные, ключевые темы современного научного дискурса, связанные с оценкой общих итогов демократического транзита, достижений и недостатков «чилийской модели», анализирует влияние на общественную мысль непредвиденных рисков и вызовов, с которыми сталкивается консолидированная чилийская демократия на новом этапе развития.

Ключевые слова: Чили, демократия, демократический транзит, социальные ожидания, политические исследования.

---

¹ *Дьякова Людмила Владимировна*, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН. 115035, Москва, Б.Ордынка, 21/16. (diakova65@mail.ru). *Diyakova Liudmila Vladimirovna*, Ph.D. (Political Science), Leading Researcher, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, (ILA RAN), 21/16, Bolshaya Ordynka, Moscow, 115035, Russian Federation (diakova65@mail.ru)

Abstract: The article deals with the main approaches to the peculiarities and specifics of political development of Chile in the post-authoritarian period, analyzes the different directions of social and political thought in the context of the actual problems of the country. The author highlights the most controversial, key topics of modern scientific discourse related to the assessment of the overall results of democratic transit, achievements and shortcomings of the "Chilean model", analyzes the impact on public opinion of unforeseen risks and challenges faced by the consolidated Chilean democracy at a new stage of development.

Keywords: Chile, democracy, democratic transit, social expectations, political studies.

DOI: 10.32608/2305-8773-2019-1-108-130

Современная Чили является одной из самых развитых стран Латинской Америки, принадлежит к категории консолидированных, состоявшихся демократий, отличаясь также высоким уровнем экономического развития и масштабной социальной политикой. В конце 2019 г. чилийское общество отметит 30-летие общенациональных выборов, состоявшихся 14 декабря 1989 г. и положивших начало демократическому транзиту – процессу перехода к демократии от правоавторитарного военного режима Аугусто Пиночета (1973-90). Этот 30-летний период постпиночетовского развития страны, насыщенный трудностями, рисками, достижениями, представляет богатый материал для многочисленных социально-политических исследований, посвященных Чили.

В фокусе общественно-политической мысли конца XX и начала XXI в. – особенности чилийской модели демократизации (1990-2000) и проблемы современного этапа политического развития, вопросы совершенствования сложившейся консолидированной демократии (2000-2018). Интерпретации этой темы, несмотря на их многообразие и высокую степень детализации материала, располагаются в рамках двух основных подходов, которые условно можно обозначить как «умеренно-объективистский» и «радикально-этический» (или «лево-радикальный»).

Первый подход предполагает прагматичный функциональный (институционально-теоретический) анализ процесса демократического транзита, его особенностей и специфических черт, сделавших возможным мирное восстановление демократии, а также объективную оценку современных достижений и проблем (включая, в том числе, и те элементы, которые можно назвать глубокими «изъянами» чилий-

ской модели). В этой парадигме присутствует интерес к сопоставлению чилийского опыта с общими, универсальными закономерностями транзита; характерно выделение позитивной роли экономических предпосылок демократизации, связанных с устойчивым экономическим ростом – следствием реформ, проведенных в период авторитаризма; здесь присутствует в целом отстраненная исследовательская позиция.

Второй подход основан на стремлении оценить чилийскую модель в русле морально-этических категорий, с точки зрения «справедливости» и «несправедливости», увидеть в противоречиях современного развития расплату за ошибки и компромиссы, совершенные в период демократического транзита. Этот взгляд сопровождается негативной оценкой неолиберальной экономической модели и ее социальных последствий, скепсисом в отношении качества современной чилийской демократии; характеризуется обостренно-идеологическим восприятием внутривнутриполитических проблем и глубокой эмоциональной вовлеченностью исследователей в анализируемые процессы.

Первый подход свойственен в основном зарубежным политологам, оценивающим чилийскую модель «сверху», в контексте общемировых процессов, видящим в ней один из нескольких ярких страновых вариантов перехода к демократии. Этот взгляд разделяют также некоторые видные чилийские исследователи, работающие в русле англоамериканской политологической традиции. Второй подход характерен в большей степени для чилийских авторов, особенно придерживающихся левых взглядов (и латиноамериканцев, занимающихся Чили). Его востребованность обусловлена несколькими обстоятельствами: трагизмом целого этапа национального исторического опыта, ставшего личным переживанием для многих современных чилийцев (в том числе работающих в зарубежных университетах); высокой степенью политизации предмета исследования; сохраняющимися (а в последние годы – все более обостряющимися) политическими и идеологическими разногласиями в интеллектуальной среде.

Выделение ключевых моментов, позволяющих дать обобщающее концептуальное определение чилийской модели транзита на основе комплексного анализа различных факторов, является приоритетным направлением исследований, посвященных Чили.

Согласно классическим транзитологическим концепциям, чилийская модель соответствует общим, универсальным закономерностям и этапам демократического перехода, но имеет свою специфику. Еще

классики политической транзитологии, Гильермо О'Доннелл и Филипп Шмиттер, занимаясь проблемами демократического перехода, выделяли в качестве наиболее предпочтительного для дальнейшей успешной консолидации демократии и наиболее безболезненного для общества «пактированный» переход, основанный на системе договоренностей и компромиссов, достигаемых в результате переговоров между оппозицией и авторитарным режимом². Чили представляет собой классический вариант этой модели.

Обосновывая (на примере Аргентины, Бразилии и Перу) свою концепцию «делегативной» демократии, Г. О'Доннелл, в частности, отмечал, что в Чили условий для подобного типа демократии (популярной, связанной с эмоциональным восприятием определенного типа лидерства), нет. Эта страна является редким для Латинской Америки примером политической преемственности и сохранения политических институтов, а также культуры заключения соглашений, унаследованной от прошлой демократической традиции, что, по мнению автора, повлияло на успешный переход к демократии³.

В фундаментальном исследовании крупных теоретиков политической науки Хуана Линца и Альфреда Степана Чили (в ряду других стран Южного конуса) рассматривается как особый вариант «контролируемого» демократического транзита, для которого характерны чрезвычайно жесткие границы, поставленные уходящим авторитарным режимом, сохранившим поддержку значительной части общества. Анализируя эти обстоятельства (сильные позиции военных, закрепленную юридически неполноту власти демократического правительства), авторы отмечали проблематичность консолидации демократии. На момент подготовки исследования, опубликованного в 1996 г., транзит оценивался ими как незаконченный, а перспективы дальнейшего демократического развития – как весьма неопределенные⁴.

Американский политолог Скотт Мэйнворинг, анализируя общие закономерности транзита и подчеркивая принципиальные различия между стадиями либерализации и демократизации⁵, особое внимание уделял либерализации как фазе внутриаэлитных расколов и переговоров, расширения сферы гражданских свобод в рамках авторитарного

---

² O'Donnell, Shmitter, 2013. P. 42-44.

³ O'Donnell, 1994. P.55-69.

⁴ Linz, Stepan, 1996. P. 206-211.

⁵ Mainwaring, 1989.

режима, заключения пактов, когда решается судьба следующего этапа демократического перехода. Важнейшим для анализа чилийской модели является мнение С. Мэйнворинга об обреченности военного режима в тот момент, когда он решил вынести вопрос о продлении своих полномочий на общенародное голосование (в форме референдума), не имея достаточных ресурсов для победы (ни влиятельных общенациональных партий, ни популярных политических фигур).

Хулио Сэмюэл Валенсуэла (чилийский политолог, профессор Университета Нотр-Дам), дополняя общую теорию демократических транзитов⁶, основное внимание уделяет противоречиям процесса демократизации, тем условиям и факторам, которые облегчают или затрудняют консолидацию, поскольку даже для минималистской демократии необходим определенный набор политических институтов, восстановление которых требует усилий и строго соблюдения демократических правил игры. Чилийский опыт, с точки зрения Х.С. Валенсуэлы, служит наглядным примером присутствия «неправильных», проблемных (обусловленных авторитарным наследием) элементов в процессе демократизации. Этими элементами являются следующие: «опекающие» власти (*tutelary powers*), не избираемые демократически, но способные навязывать свои правила; «авторитарные анклав», сохраняющиеся в институциональном устройстве государства; дискриминационное электоральное законодательство, игнорирующее политические меньшинства и предполагающее наличие неизбираемых фигур в парламенте. По мнению автора, сохранение недемократических анклавов вызвано стремлением прежних групп элиты обезопасить свои позиции; ситуация меняется тогда, когда эти силы видят новые способы защиты своих интересов демократическим путем (в результате создания своих партий и участия в выборах). Таким образом, укрепление демократии должно идти по пути распространения преимуществ демократической системы на все общество, включая и те политические группы, которые взаимодействовали с авторитарным режимом.

Известный чилийский политолог Мануэль Антонио Гарретон относил Чили к тому типу латиноамериканских стран, где транзит состоялся без революционного разрыва с прежним («военно-институциональным», по его определению), режимом. Важнейшими факторами этого процесса М.А. Гарретон считал субъективные (про-

---

⁶ Valenzuela, 1990.

цедурные), связанные с активностью и волей политических акторов⁷. Действия элиты «сверху» в сочетании с низовым социальным движением против диктатуры, воздействующим на военное руководство и принуждающим его к переговорам, дали автору основание определить чилийский переход к демократии как «*соединение переговоров и мобилизаций*». Основными характеристиками модели стали: отсутствие тотального разрушения прежней системы, сохранение так называемых «авторитарных анклавов», в том числе важнейшего из них – пиночетовской Конституции 1980 г., а также «парадоксальный», по мнению политолога, эффект «демократии наиболее незавершенной [на конец 1990-х гг.] при режиме наиболее консолидированном»⁸.

Систему *элитарных договоров* как принципиальный элемент транзита рассматривали Пол Дрейк (профессор Калифорнийского университета) и Иван Джаксич (Университет Нотр-Дам), обосновывая необходимость объективного подхода и взвешенной оценки – как достижений, так и недостатков чилийского опыта демократизации. Признавая влияние отдельных выдающихся лидеров, они отстаивали ключевую роль коалиции оппозиционных партий и политических компромиссов, заключенных между основными участниками событий⁹. Этот подход имеет существенную концептуальную значимость, поскольку выделяет *элитарный пакт* в качестве несущей конструкции демократического транзита, а саму модель определяет как «*модель элитарных компромиссов*».

Петер Сиавелис (Университет Уэйк-Форест, США) подчеркивал влияние переговоров и компромиссов, сформировавших «*умеренность*» (“*moderación*”) как принципиальную характеристику чилийского перехода, приведшего к «*консенсусной демократии*», в которой, тем не менее, изначально была заложена большая неопределенность и внутренняя конфликтность¹⁰. П. Сиавелис, обосновывая особое значение политических партий и коалиций (как левоцентристских, так и правых), отмечал их способность к идеологической трансформации, заключению компромиссов и выполнению достигнутых договоренностей. Эти качества были восприняты чилийскими партиями из политической традиции, сформированной до-авторитарным периодом в

---

⁷ Garretón, 1989.

⁸ Garretón, 1997. P. 26.

⁹ Drake, Jaksic, 2002. P.11-38.

¹⁰ Siavelis, 2002. P. 226-227.

развитии страны¹¹. Называя чилийский переход к демократии «модельным», автор, в то же время, предупреждал о возможности возникновения непредвиденных рисков – связанных уже с этапом консолидации, когда на первый план выходят высокие требования к качеству новой политической системы.

Особое место в политических исследованиях и выделении ключевых характеристик перехода занимает фигура самого Аугусто Пиночета, его реальное присутствие в чилийской политике на протяжении всего периода демократизации (1990-х гг.) и даже в начале 2000-х годов. Это явление получило название «*фактор Пиночета*» и неоднократно отмечалось практически всеми исследователями как важнейший элемент национальной модели демократического транзита, определивший ряд его принципиальных особенностей (М.А. Гарретон, П. Дрейк, И. Джаксич, Т. Моулиан, П. Сиавелис, Патрисио Силва, Алваро Сото Кармона, Карлос Унееус и др.).

Например, Джонатан Бартон (Университет Восточной Англии) подчеркивал, что характерной чертой политики первых демократических правительств Чили было отсутствие резкого разрыва (“ruptura”) с авторитарным прошлым, кардинального разрушения важнейших политических конструкций, созданных прежней властью¹². Сохранение так называемого «*continuismo*» – *институциональной преемственности*, обусловило мирный переход к демократии, но оставило предпосылки для социального недовольства и критики со стороны ультралевых политических сил. Социальное раздражение усугублялось дальнейшим развитием неолиберальной экономической модели и ростом социальных диспропорций на протяжении всего поставторитарного периода.

Вариант демократического перехода, в котором сохранялась устойчивая преемственность с авторитарным прошлым и длительное влияние А. Пиночета, также получил определение «*защищаемого*» или «*охраняемого*» транзита (буквально – «*опекаемого*», “la transición tutelada”). В данной интерпретации (которую обосновывает ряд исследователей, в частности, испанский политолог А. Сото Кармона)¹³, основной акцент сделан на факторе контроля, регулирования, управления всем процессом транзита со стороны уходящего авторитарного

---

¹¹ Ibid., P. 226-227.

¹² Barton, 2002. P. 358-374.

¹³ Soto Carmona, 2003. P.63-73.

режима и непосредственно самого экс-диктатора. «Режим не рухнул, он просто закончил свое существование», – писал известный чилийский историк и политолог К. Унеус¹⁴, близкий правоцентристским позициям. Анализируя проблемы и риски «демократии компромисса», вынужденной считаться с теми общественными группами, которые поддерживали военный режим и не были отстранены от политики в период демократизации (сотрудничавшие с военным правительством консервативные элиты, часть предпринимательского класса), К. Унеус признавал, что эта модель является успешной для перехода, но не соответствует этапу развитой демократии.

Значительное место в этой системе «управляемого транзита» и институциональной преемственности было отведено правым партиям, идеологическая позиция и роль которых оценивается неоднозначно. В частности, К. Унеус отмечал глубокую эволюцию правых, особенно – радикально-правой партии Независимый демократический союз (UDI), созданной в период авторитаризма в целях легитимации военного режима, в начале перехода к демократии превратившейся в инструмент влияния сторонников бывшего диктатора, затем ставшей цивилизованным участником всех демократических процедур. Этот кейс наглядно демонстрирует основной тренд демократического перехода в Чили: избегая открытых массовых разоблачений и процесса люстрации, сохранить мирный характер трансформации и включить в политическую жизнь все элементы прежней системы, способные к изменению и принятию новых правил игры.

В то же время, некоторые исследователи (например, Артуро Валенсуэла [Университет Джорджтауна] и Лусия Даммерт [Латиноамериканский факультет социальных наук, FLACSO]) считают, что чилийский транзит не предусматривал никаких пактов демократической оппозиции с авторитарным режимом, что демократы никогда не скрывали своей цели – покончить с авторитарными анклавами, навязанными Пиночетом. Успех модели был обусловлен не ее компромиссным характером, а созданием и приходом к власти самой эффективной в чилийской истории левоцентристской партийной коалиции. Этот пример успешного и длительного коалиционного руководства, по мнению авторов, не удалось повторить ни одной стране Латинской Америки¹⁵.

---

¹⁴ Huneus, 2008. P. 87.

¹⁵ Valenzuela, Dammert, 2006. P. 65-79.

Известный чилийский социолог Томас Моулиан¹⁶, близкий духу «радикально-этического» подхода, признавая систему компромиссов, взаимных уступок и преемственности с пиночетизмом, напротив, подчеркивает трагическую невозможность для «встроенной в систему» демократической оппозиции избежать этого пути, который привел, в итоге, к многочисленным противоречиям «неолиберальной демократии»¹⁷. В данной интерпретации мирный характер перехода, точное соблюдение договоренностей демократическими лидерами рассматривается как вынужденное отступление от этических принципов в пользу «жесткого реализма», навязанного Пиночетом и военными для соблюдения своих интересов. (В то же время, и прямолинейная радикально-протестная позиция ультралевых, ориентированная на неприятие любых соглашений и массовое восстание, не могла привести к успеху на новом историческом этапе, признает Моулиан)¹⁸.

Одной из наиболее острых, дискуссионных и незавершенных тем, связанных с эволюцией военно-гражданских отношений, остается *проблема прав человека*: трагедия «пропавших без вести», массовые нарушения гражданских прав в годы авторитарного режима, вопрос о наказании военных, с которым ассоциируется драма высокой моральной цены мирного перехода к демократии. Эта тема была подробно и многосторонне исследована; именно в ее интерпретации особенно наглядно проявился «радикально-этический» подход к анализу чилийского опыта.

Наиболее распространенная точка зрения состоит в признании факта нерешенности указанной проблемы. Например, Марио Агилар (Сент-Эндрюсский университет, Шотландия)¹⁹, рассматривая деятельность первой специальной Комиссии по восстановлению правды и справедливости в отношении пропавших без вести (в 1990-е гг.), подчеркивает очевидную незаконченность этой работы и, соответственно, незавершенность всего процесса демократизации. Вывод о том, что демократия останется неполной до тех пор, пока не будут обнародованы все случаи политических репрессий, не изучены все судьбы пропавших без вести, не наказаны все виновные, является типичным для широкого круга публикаций. Например, социологи Элизабет

---

¹⁶ Moulian, 2002.

¹⁷ Ibid., P. 319.

¹⁸ Ibid., P. 310-312.

¹⁹ Aguilar, 2002. P. 413-424.

Лири и Брайан Лавман (Университет Сан-Диего, Калифорния), изучив политику первых демократических правительств в этом вопросе, отмечают: «так называемый чилийский транзит не смог решить самую злободневную тему, которая носит название “прав человека”. Это название, с которым ассоциируются ненависть и насилие, принесенные трагедией 1973 года... Поэтому исследователей, которые видят в чилийском кейсе “модель”, следует спросить: какую модель? Модель для чего? Модель для кого?»²⁰.

Такая постановка вопроса актуализирует традиционную тему соотношения политики и этики, обязательного присутствия этического компонента в демократической практике, в том числе – в реалиях демократического транзита. Чилийский опыт во всей его сложности, относящийся не только периоду авторитаризма, но и к периоду восстановления демократии, с неизбежными компромиссами этого политического этапа, дает обширный материал для анализа и рассмотрения альтернативных точек зрения²¹.

Характерно, что авторы, придерживающиеся противоположных точек зрения в отношении этической цены «опакаемого перехода», признают, что преодоление авторитарных анклавов, оставленных Пиночетом, было необходимым условием завершения демократического транзита и дальнейшего развития демократии. Различия заключаются в том, что одни считают само их присутствие в 1990-е годы роковой ошибкой демократической власти, согласившейся на компромисс, признаком ущербности чилийского пути, в самой основе которого была заложена глубокая конфликтность, противоречивость, социальное напряжение, другие – жизненной необходимостью, позволившей осуществить сложнейший процесс демократизации.

Для исследований, посвященных темам *политического и социального совершенствования демократической модели после 2000 г.*, характерен интерес как к ее достижениям, так и к новым, все более четко обозначаемым проблемам.

Необходимо отметить, что социально-политическая ситуация первого и второго десятилетий начала XXI в. представляла собой разные этапы в развитии страны, что нашло отражение в приоритетах, поставленных исследователями. В начале 2000-х гг. некоторые наиболее острые вопросы политической модернизации, при всей их важности,

---

²⁰ Lira, Loveman, 2002. P. 339-374.

²¹ Veloso, 2002. P. 485-500.

отступили на второй план, возрос исследовательский интерес к анализу социального среза политических процессов, изучению состояния общества в целом, государственному управлению, социальной политике, общим оценкам эффективности чилийской модели.

Интерпретация этих тем также развивается в рамках двух основных (обозначенных выше) подходов, но с некоторыми особенностями, вызванными спецификой современности.

Внимание к качеству политического управления, достигнутым результатам, новым задачам и возможностям, связанным с совершенствованием сложившейся политико-социальной модели, динамике современного политического процесса в целом, характерно для сторонников «умеренно-объективистского» направления, склонных преимущественно к позитивной оценке деятельности демократических правительств и чилийского опыта совершенствования демократии. Классическим примером может служить коллективная работа чилийских политологов и социологов «Чили идет»²², одним из соредакторов которой выступил экс-президент Рикардо Лагос (2000-2006). В центре внимания авторов (Энцо Аббаглиати, Клаудио Фуэнтеса, Кристиана Беллеи, Даниэля Охмана, Оскара Ландерретче, Данте Контрераса и др.) – сфера государственного управления и обсуждение уже состоявшихся и предстоящих реформ, направленных на совершенствование демократических институтов, социальная политика, сокращение социальных диспропорций и достижение большего равенства возможностей, развитие молодежной и гендерной политики. Отличительной чертой этого исследования является акцент на реальной политической практике, ее успехах и недостатках, на тех нерешенных проблемах, которые необходимо преодолеть, чтобы добиться процветания, характерного для развитого демократического общества. Здесь присутствует отношение к чилийской демократии как к эффективно работающей модели, имеющей не только противоречия и трудности, но также и очевидные достижения.

Стремление подчеркнуть эти достижения, связанные с многолетней деятельностью демократических правительств, характерно для многих известных чилийских политологов и экспертов, в том числе принадлежащих к политической элите. «Двадцать лет спустя... мы являемся другой страной. Есть те, кто этого не признает из-за умышленного помрачения, личной пристрастности или кратковременных

---

²² El Chile que se viene, 2011.

интересов; но очевидно, что очень немногие страны смогли продвигаться также, как мы, всего за двадцать лет», – пишет, например, видный деятель Социалистической партии и яркий публицист Камило Эскалона в книге «Чили: 20 лет спустя, 1988-2008», оценивая результаты национального развития в различных сферах (от политической и социальной до мультикультурной)²³.

В то же время, достаточно распространенным в анализе чилийской модели является подход, который в самом начале раздела был условно обозначен как «радикально-этический». Мировоззрение его сторонников (представленных в основном чилийскими исследователями) сложилось, с одной стороны, под влиянием общих концепций демократии, с другой – в русле латиноамериканской исследовательской традиции, с ее акцентом на этико-нормативных моментах, социальной справедливости. В Чили эта традиция имеет также свою национальную специфику, обусловленную трагизмом пережитого исторического опыта, глубокой личной вовлеченностью исследователей в политические реалии, связанные как с периодом авторитаризма и процессом перехода к демократии, так и с современными событиями. Общей отличительной особенностью их взглядов является то, что вопросы современного этапа развития демократии во многом рассматриваются в контексте нерешенных (или решенных не до конца) фундаментальных противоречий переходного периода.

Важнейшими характеристиками интерпретации социальной-политической реальности в рамках этого направления являются:

- Негативная оценка воздействия принципиальных особенностей чилийского транзита («фактора Пиночета», институциональной преемственности с авторитарным режимом, роли военных), на качество современной чилийской демократии;
- Акцентирование внимания на нерешенности, с точки зрения массового общественного сознания, этических вопросов транзита (наказания военных и «проблемы исторической памяти»);
- Критика «избыточного неоллиберализма» экономической модели, ее социальной цены; негативных последствий «общества потребления»; акцент на сохраняющемся, несмотря на все усилия государства, социальном неравенстве и социаль-

---

²³ Escalona, 2008. P.150.

ной несправедливости.

Одним из основных постулатов данного подхода является мнение о незавершенном характере транзита и неполноценности, ущербности сформированной политической модели, о сохраняющемся влиянии авторитарного наследия и институциональных особенностей элитарной «опекаемой демократии», вплоть до «правоконсервативного» содержания экономической и социальной политики демократических правительств²⁴.

В качестве одной из главных проблем применительно к первому десятилетию XXI в. выделяется противоречие между эффективностью экономической модели, созданной, в том числе, благодаря неолиберальным реформам военного правительства и развитой в поставторитарный период, и социальными диспропорциями, очевидными в 1990-е годы и непреодоленными, несмотря на последовательную социальную политику, в 2000-е. Неолиберальный характер экономики, по мнению ряда авторов, навязал свои ценности обществу, оказал влияние на социальное поведение, на упадок гражданского общества, что выразилось в растущем равнодушии к политике, абсентеизме, стремлении участвовать «в рынке» и достижении экономического успеха любой ценой.

«Мифом» назвал чилийскую модель развития Т. Моулиан, анализируя результаты социальных процессов 1990-х и их эффект в начале 2000-х. Особый критический взгляд автора был направлен на массовый характер потребления, ставший доступным низшим слоям населения благодаря широко распространенной системе кредитов, с одной стороны, и поддержанный навязчивой пропагандой постоянного спроса на новые товары и услуги – с другой. При этом виртуальная «дружелюбность» сферы потребления была призвана скомпенсировать все возрастающую жесткость сферы занятости и работы по найму. В условиях неолиберализма «работающий индивид на зарплате, не имеющий связей с профсоюзом, становится идеалом рабочих отношений, а индивид-потребитель – реальностью рыночных отношений». Эти несущие опоры современного общества, по мнению автора, формируют тип «гражданина кредитной карты», для которого торговый центр – и территория охоты, и высшая культурная ценность²⁵.

---

²⁴ Vergara Estévez, 2007. P. 45-52.

²⁵ Moulian, 2002. P.100, 103, 110.

Весьма распространенной в определенной среде стала негативно-критическая точка зрения о сформировавшемся в 1990-е гг. и перешедшем в 2000-е универсальном «рынке лицемерных ценностей», навязывающем не только свои экономические стандарты, но и социально-политические идеи (такие как: свобода слова и информации, свобода личности, индивидуализм, прагматизм, качество образования, качество жизни, толерантность и т.д.). Эти новые культурные догмы, разделяемые как широкими слоями общества, так и его элитой, стали предметом дискуссии, в которой особая значимость придавалась понятиям «индивидуальное» (личное, собственное, отдельное) и «общественное» (коллективное, коммунитарное, солидарное). В возрастании влияния первой группы ценностей и сокращении второй заключалась драма утверждения иных, по сравнению с прошлым, приоритетов.

По мнению социолога и журналиста Серхио Марраса, за период поставторитарного развития была успешно создана система формальной демократии (с основами правового государства), но многие из подлинно демократических идей при этом утратили свое истинное содержание, вошли в категорию «двойных стандартов», приобрели другой смысл или отстали от времени. Модернизация экономики и больший доступ к потреблению благ не сопровождались соответствующей идеологической модернизацией, но привели к подмене («пересадке», по терминологии автора) значимых общественных ценностей индивидуальными интересами, самыми важными из которых стали культ успеха и страх неудачи²⁶.

Признавая выдающиеся успехи демократических правительств в улучшении уровня жизни чилийцев, развитии образования и здравоохранения, Карлос Пенья Гонсалес (политический философ, ректор Университета Дьего Порталеса), отмечал критические диспропорции между ростом материальных благ и падением качества общественного сознания, способности видеть и понимать себя и других в мире, ответственно участвовать в политике²⁷. Эти последствия не смогла предвидеть демократическая власть, оказавшаяся «потерянной» перед растущим эффектом политического равнодушия широких социальных слоев.

«Недемократическим процветанием» назвала особенности поставторитарного развития Чили в начале 2000-х гг. известный чилийский

---

²⁶ Marras, 2002. P.525.

²⁷ Peña Gonzalez, 2007. P. 33-45.

социолог Марта Лагос, указывая на расхождение между уровнем экономических достижений, общим увеличением доходов населения, расширением зоны индивидуальных прав и свобод, и отсутствием реальной социальной мобильности в обществе, а также стремления отстаивать коллективные интересы. Модернизация государства и целенаправленная социальная политика сопровождались не преодолением социальных барьеров, а консервацией социальной отсталости беднейших слоев, превратившихся в постоянных реципиентов государственных дотаций²⁸. Процветание возросло, не увеличив степень демократичности общества, не приведя к модернизации социальных отношений и формированию «субъектного» сознания низших слоев.

Сохранение жестко-дискриминационной структуры общества и социального неравенства отмечал, предсказывая будущие конфликты, чилийский социолог Мануэль Каналес²⁹. Основную ущербность чилийской модели он видел в неспособности преодолеть социальную исключенность целых групп, которые, выйдя из бедности благодаря масштабным программам, не стали полноценной, активной частью общества и сохранили полную зависимость от государственных субсидий. Со временем эти группы, в которых значительное место занимала молодежь, могли бы, по мнению автора, превратиться в самостоятельного политического актора, выступающего уже не за пособия, а со свои социальные права, стать базой для новых протестных движений; но применительно к периоду начала 2000-х гг. их отличали пассивность и патерналистская ориентация.

Новый социальный феномен, сформировавшийся под влиянием рыночной идеологии, чилийский политолог радикально-левых взглядов Хуан Карлос Гомес Лейтон назвал «фрагментированным неолиберальным обществом в состоянии риска», членам которого не свойственны ни политическая ответственность, ни социальная солидарность, ни активная гражданская позиция. Этот тип общества – гедонистического и конкурентного – отличает высокая степень адаптации к рыночным ценностям, низкая гражданская культура в сочетании с растущей политической апатией, индивидуализм и «бегство» в частную жизнь с ее частным пространством, противоположным «уличной» солидарности и активности прошлого. По мнению автора, неолиберализм в Чили стал господствующей формой культуры, в том

---

²⁸ Lagos, 2007. P. 139-163.

²⁹ Canales, 2007. P.193-208.

числе и политической, и основной ценностью «рыночно-центричного государства»³⁰. Анализируя процессы конца 1990-х – начала 2000-х гг., Гомес Лейтон пришел к выводу о низком уровне гражданственности, общественного участия и коллективных ценностей в стране, для которой «культура солидарности», соседская взаимопомощь и низовая практика «малых дел» традиционно играли огромную роль, но постепенно утратили свое значение. Это оказало особенно серьезное влияние на психологию и поведение молодежи³¹.

Отмечая растущий абсентеизм и равнодушие к политике среди молодежи, ставшие знаковыми явлениями времени, ряд авторов более умеренных взглядов связывали это не с утверждением рыночной идеологии и потребительских ценностей, а с ослаблением регулярной практической работы политических партий. Например, А. Валенсуэла и Л. Даммерт³² указывали на упадок популярности правящей левоцентристской коалиции в Чили, находившейся у власти слишком продолжительное время и упустившей, в какой-то момент, механизм постоянно действующей обратной связи с новым поколением.

Этими же причинами объяснял феномен политической апатии молодежи и К. Унееус (в остальном разделяющий умеренно-центристские взгляды). В статье «Молодежь? – На расстоянии» (2007 г.) он писал о том, что «в прежние времена партии уделяли значительное внимание студентам. Сейчас ... этого не происходит, что создает негативную дистанцию между партиями и студенчеством. Молодежь больше не участвует в выборах и не голосует за системные партии»³³. Выходом из ситуации могла бы стать более активная позиция партий и партийных лидеров, основанная на желании заинтересовать молодое поколение, среди которого не никогда не исчезала вовлеченность в добровольную работу на низовом уровне (по защите окружающей среды, помощи бедным и т.д.) Этот тип поведения всегда использовали неправительственные организации, особенно религиозные. Тем не менее, гражданское общество в его традиционном понимании, по мнению автора, продолжало оставаться крайне слабым и неспособным дать новый импульс для возрождения практики полноценного политического участия.

---

³⁰ Gómez Leyton, 2011. P.60.

³¹ Gómez Leyton, 2007. P.57-59.

³² Valenzuela, Dammert, 2006. P. 71.

³³ Huneecus, 2007.

Таким образом, применительно к первому десятилетию XXI в. лейтмотивом чилийской политической мысли (в значительной степени лево-ориентированной) стали идеи о господстве «неолиберальной демократии», «недемократическом процветании», социальной апатии, утверждении анти-солидарных рыночных ценностей «среднего класса» в ущерб более высокому («коллективистскому») уровню общественного сознания, свойственному предыдущим периодам. Эти явления особенно выделялись на фоне консервации социального неравенства и жестко-дискриминационной структуры общества.

Несмотря на многочисленные и убедительные выводы о нисходящей тенденции в развитии гражданской активности, начало второго десятилетия XXI в. стало периодом активизации противоположного тренда и обозначило следующий этап в развитии страны. Студенческое протестное движение 2010-2018 гг. опровергло утверждения о воцарившейся социальной апатии, торжестве индивидуализма, демонстрируя высокую политическую вовлеченность и солидарность наиболее образованных групп молодежи. Эти явления, ставшие частью общего латиноамериканского процесса нарастания турбулентности, находятся в центре современных исследований, заставляя задуматься о предпосылках и последствиях «молодежной революции». Одна из основных причин этого явления связана с объективным процессом «смены веж». Как отмечает социолог Моника Варгас Агирре, во взрослую жизнь вышло поколение, никогда не знавшее военного режима и не пережившее той исторической драмы, которая привела к упадку левого движения и связанных с ним радикальных форм протеста на предыдущем этапе³⁴. В сознании этого нового поколения ценности открытой политической борьбы не были девальвированы, а страх репрессий навсегда остался в прошлом.

Таким образом, возникновение современного «борющегося поколения» в Чили было обусловлено как успехами демократии (утверждением свободы, права на самовыражение и протест), так и ее слабостями: обострением чувства социальной несправедливости, заложенной в саму структуру чилийской модели развития и непреодоленной, несмотря на масштабную социальную политику двух первых десятилетий поставторитарного периода.

В этом смысле показательно мнение известного чилийского политика и публициста Серхио Битара, написавшего в 2013 г., в связи с

---

³⁴ Vargas Aguirre, 2011. P. 69-92.

трагической годовщиной военного переворота 11 сентября 1973 г., об амбивалентности достижений демократического развития: «Мы построили свободную страну, более равную и справедливую, чем когда бы то ни было, оставив в прошлом страх, ненависть и нищету». Тем не менее, «Чили не является страной с реальным равенством возможностей. В ней все еще сохраняются большие экономические и социальные различия»³⁵. Сохранение глубокого социального неравенства остается тем фактором, который усиливает стремление исследователей (в том числе находящихся на достаточно центристских позициях) подчеркнуть противоречивость и потенциальную конфликтность сложившейся модели. Например, К. Унееус, М.А. Гарретон, М. Лагос, признавая безусловную ценность демократии, отмечали, что основная слабость политики демократических правительств состояла в неспособности принципиально сократить социальные диспропорции, сделать Чили страной, в которой «экономика и политика не находятся по разные стороны процесса»³⁶. Демократия (как и политика в принципе) не может нести ответственность за все, что происходит в обществе – подчеркивал Гарретон; однако именно демократия является тем режимом, который эффективнее других способен решать социальные проблемы – и поэтому обоснованно провоцирует высокие общественные ожидания³⁷.

Несмотря на декларируемые социальные приоритеты правительства, феномен «молодежной революции» показал неготовность молодого поколения ориентироваться на постепенную эволюцию и ждать отложенных результатов общественного прогресса. По мнению ряда известных современных аналитиков (Патрисио Навии, Эктора Сото, Хосе Хоакина Бруннера, Консуэло Исарт, Рауля Фигероа, Фелипе Моранде и др.), социально-политическая турбулентность современного этапа может иметь неоднозначные последствия для развития страны. Особую опасность представляет высокий уровень социальных ожиданий, не всегда согласующийся с реальными политическими и экономическими возможностями. Требования кардинальных и, что самое важное, быстрых реформ в сфере образования, трудовых отношений, пенсионной системы, существенно радикализируют политиче-

---

³⁵ Bitar, 2013.

³⁶ Huneus, 2008. P. 85.

³⁷ Garretón, 2000. P.75.

скую ситуацию и обостряют тон политологической дискуссии, что заставляет и участников событий, и авторов жестче определять свою позицию, не смягчать, а подчеркивать идеологические различия.

Усиливает молодежную нетерпимость и трагический, так и не получивший окончательного разрешения «конфликт ценностей», связанный с нерешенностью вопроса о наказании военных. Общественная дискуссия по этому поводу получает новый импульс в связи с каждой годовщиной переворота 11 сентября 1973 года, особенно - в 2013 и в 2018 гг. В идейное противостояние вовлечены известные политики, общественные деятели, публицисты, активисты молодежного движения. «Чили – все еще не примиренная страна», поскольку в ней «до сих пор остаются отдельные участники событий и даже целые группы, которые так и не продемонстрировали своего раскаяния... перед лицом такой боли и таких преступлений» – писал, например, С. Битар о правой части общества, сторонниках мнения о «спасительной [в 1973 г.] миссии» военных³⁸.

С другой стороны, ряд исследователей считает, что не стоит преувеличивать опасности неизжитых переживаний прошлого для дальнейшего развития страны, особенно при успешном решении повседневных задач и проблем. Сегодня победить или проиграть на президентских выборах, опираясь только на факт «участия» или «неучастия» (прямого или косвенного) в событиях военного периода, уже невозможно, поскольку любому политику, как левому, так и правому, необходимо представить обществу перспективу будущего, продемонстрировать свое соответствие задачам времени.

Таким образом, если применительно к периодам 1990-х и 2000-х преобладающей была тенденция констатировать особенности процесса, успехи и недостатки сложившейся модели, преемственность политики, не зависящую от «левых» или «правых» у власти, то современное десятилетие актуализирует вопросы и альтернативы, как будто подвергая сомнению все достижения предыдущих лет. Куда идет страна? Что для нее важнее – экономическая эффективность или социальная справедливость? Что выбирает молодежь, общество в целом – реформы или стабильность? Будет ли сохранена последовательность, преемственность развития (“continuidad”) при следующем президенте (Себастьяне Пиньере, пришедшем к власти после выборов 2017 г.), и новом правительстве? Этими вопросами без ответов, аль-

---

³⁸ Bitar, 2013.

тернативными прогнозами насыщены новейшие публикации вне зависимости от идеологических предпочтений авторов.

«Кризис модели» – так можно обозначить лейтмотив большинства актуальных размышлений исследователей и публицистов, посвятивших свои работы Чили. «Идея, внедренная в общественное сознание, согласно которой Чили является современной постоянно растущей страной, с элитой, представляющей образец по уровню своих взглядов и согласованности, сумевшей решить свои социально-политические конфликты благодаря прочным институциональным каналам “демократии консенсуса”, – эта идея вступила в кризис», – пишет, например, историк и социолог Освальдо Торрес Гутьеррес³⁹, выражая преобладающую в национальной интеллектуальной среде и наиболее популярную в настоящий момент точку зрения.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Чилийская модель демократического транзита рассматривается исследователями как специфическая, обладающая рядом принципиальных особенностей, получивших наибольшее развитие именно в Чили (таких как: роль элитарных компромиссов, фактор преемственности, значимость военно-гражданских отношений, нерешенность проблемы наказания военных, «проблема памяти», и др.). В то же время, с начала 2000-х гг. в исследовательских подходах усиливается леворадикальный взгляд на события поставторитарного развития, сопровождаемый тенденцией «вернуться в прошлое», «восстановить справедливость», «проработать вопрос об исторической памяти». Все большее значение приобретает социальная проблематика, возрастает интерес к возможностям государства, высокие требования предъявляются к его роли в сфере социальной политики, преодоления бедности и социального неравенства. В новейших исследованиях современной чилийской демократии актуализируется критическая составляющая, стремление к пересмотру и переоценке достижений, все острее звучит тема кризиса сложившейся модели развития и поиска нового общественного консенсуса. Справедлива ли такая точка зрения? Представляется, что демократия в Чили переживает очередной этап, связанный с выходом на новый уровень развития; этот этап связан с исключительным ростом социальных ожиданий и требований общества к этическому содержанию избранной политической модели. Удастся ли политической и интеллектуальной элите, предпринимательскому классу, гражданскому

---

³⁹ Torres Gutiérrez, 2016.

обществу, лидерам заключить новый многосторонний и долговременный компромисс, способный обеспечить устойчивое развитие – покажет будущее.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Aguilar M.I.* The Disappeared end the Mesa de Diálogo in Chile 1999-2001: Searching for Those Who Never Grew Old // *Bulletin of Latin American Research*, vol. 21, n 3, 2002. Oxford, P. 413-424.
- Barton J.R.* State Continuiismo and Pinochetismo: The Keys to the Chilean Transition // *Bulletin of Latin American Research*, vol. 21, n 3, 2002. Oxford, P. 358-374.
- Bitar S.* Chile: Lecciones aprendidas a 40 años del golpe militar. Available at: <http://www.infolatam.com/2013/09/10/> (Accessed 05.03.2015).
- Canales M.C.* Ni pobres ni incluidos: ¿nueva cuestión social? // *Chile Hoy. Revista de Sociología*, n 21, 2007. Santiago de Chile, P.193-208.
- Drake P., Jaksic I.* El “Modelo” Chileno. Democracia y Desarrollo en los Noventa // *El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa* / Drake P., Jaksic I. (ed.) Santiago de Chile: LOM, 2002. P.11-38.
- El Chile que se viene. Ideas, miradas, perspectivas y sueños para el 2030* / Lagos R.E y Landerretche O.M. (ed.) Santiago de Chile: Ed.Catalonia, 2011.
- Escalona C.* Chile, 20 años después. 1988-2008. Santiago: Diagrama, 2008.
- Garretón M.A.* La posibilidad democrática en Chile. Santiago de Chile: FLACSO, 1989.
- Garretón M.A.* Política y Sociedad entre dos Épocas. Rosario: Homo Sapiens Ediciones, 2000.
- Garretón M.A.* Revisando las transiciones democráticas en América Latina // *Nueva Sociedad*, n 148, 1997. Buenos Aires, P.20-29.
- Gómez Leyton J.C.* Chile 1990-2007. Una Sociedad Neoliberal Avanzada. // *Chile Hoy. Revista de Sociología*, n 21, 2007. Santiago de Chile, P.57-59.
- Gómez Leyton J.C.* Movimientos sociales, proyectos populares y democracia. Escenarios políticos latinoamericanos:1998-2011 // *América Latina 11. Conflictos políticos y movimientos sociales en América Latina. Democracia y socialismo del siglo XXI.* Santiago: Universidad ARCIS, 2011. P. 49-68.
- Huneus C.* ¿Los Jóvenes? A distancia. // *La Tercera.* Santiago de Chile, 20 de noviembre, 2007.

- Huneus C.* El gobierno de Michelle Bachelet a mitad de camino // Anuario Iberoamericano 2008. Madrid: Real Instituto Elcano, P. 77-95.
- Lagos M.* Una prosperidad no democrática // Chile Hoy. Revista de Sociología, n 21, 2007. Santiago de Chile, P. 139-163.
- Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Postcommunist Europe. Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 1996.
- Lira E., Loveman B.* Derechos humanos en la transición “Modelo”: Chile 1988-1999 // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa / Drake P., Jaksic I. (ed.) Santiago de Chile: LOM, 2002. P. 339-374.
- Mainwaring S.* Transitions to Democracy and Democratic Consolidation: Theoretical and Comparative Issues // Working Paper of Kellogg Institute, n 130, 1989. Available at: <https://kellogg.nd.edu> (Accessed 09.11.2017).
- Marras S.* Chile, el Mercado del disimulo (Los valores en la década de los noventa) // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. / Drake P., Jaksic I. (ed.) Santiago de Chile: LOM, 2002. P. 499-526.
- Moulian T.* Chile actual: anatomía de un mito. Santiago de Chile: LOM, 2002.
- O'Donnell G., Shmitter P.C.* Transitions from the Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 2013.
- O'Donnell G.* Delegative Democracy. // Journal of Democracy, vol.5, n 1, 1994. Baltimore, P.55-69.
- Peña Gonzalez C.* Chile actual: El proyecto político de la Concertación // Chile Hoy. Revista de Sociología, n 21, 2007. Santiago, P. 33-45.
- Siavelis P.M.* Continuidad y Transformación del Sistema de Partidos en una Transición “Modelo”// El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. / Drake P., Jaksic I. (ed.) Santiago de Chile: LOM, 2002. P. 223-239.
- Soto Carmona A.* La transición tutelada // L'Ordinaire Latino-américain, n 193, 2003. Toulouse, P.63-73.
- Torres Gutiérrez O.* ¿El Fin del milagro chileno? Agosto 2016. Available at: <http://nuso.org> (Accessed 12.11.2017).
- Valenzuela A., Dammert L.* Problems of Success in Chile // Journal of Democracy, vol. 17, n 4, 2006. Baltimore, P. 65-79.
- Valenzuela J.S.* Democratic Consolidation in Post-Transitional Settings: Notion, Process and Facilitating Conditions // Working Paper of Kellogg Institute. n 150, 1990. Available at: <https://kellogg.nd.edu> (Accessed

2.10.2017).

Vargas Aguirre M.A. La nueva explosion de las mayorías: protestas sociales en el gobierno de Michelle Bachelet // América Latina 11. Conflictos políticos y movimientos sociales en América Latina. Democracia y socialismo del siglo XXI. Santiago: Universidad ARCIS, 2011. P. 69-92.

Veloso P. Ética y política en el Chile de los noventa // El Modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa. / Drake P., Jaksic I. (ed.) Santiago de Chile: LOM, 2002. P. 485-500.

Vergara Estévez J. La “democracia protegida” en Chile // Chile Hoy. Revista de Sociología, n 21, 2007. Santiago de Chile, P. 45-52.